

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БИБЛИОТЕКАРЯ.

«Исторический Вестникъ», октябрь, 1889 г., т. XXXVIII.

I.

Мое поступление на службу в Публичную Библиотеку писцом. — Состояние библиотеки в 1834 году. — Мои отношения к библиотечному начальству. — Иван Андреевич Крылов. — Тогдашние порядки в библиотеке. — Директор А. Н. Оленин. — Мое знакомство с архитектором В. П. Стасовым и его последствия для меня. — Новое здание библиотеки. — Посещение библиотеки императором Николаем Павловичем. — Новый директор Д. П. Бутурлин. — Мое повышение в должность подбиблиотекаря. — Поручение привести в порядок гравюры. — Результат трехлетних занятий этой работой. — Проект архитектора Щедрина перестройки старого здания библиотеки. — Назначение меня архитектором библиотеки и поручение построить флигель для служащих. — Столкновение с Бутурлиным. — Вещий сон. — Каталогизация исторического отделения. — Рассказ Бругша. — Каталогизация отделений изящных искусств.

Служить я начал по-граждански: был чиновником присутственного места, и хотя удостоился чести занять вакансию столоначальника, когда мне не было еще и 20-ти лет, но не по вкусу был мне этот род службы. Окруженный форменными бумагами и имея перед собой большой шкаф с делами, я сидел во мраке и не видел выхода на свет Божий. В марте месяце 1834 года показалась заря на темном горизонте моей служебной карьеры — я был определен в Императорскую Публичную Библиотеку. Мне казалось, что я поступаю в учебное заведение, где буду учиться, пройду известный курс и сделаюсь человеком годным на дело, лучшее, нежели канцелярская переписка. Если мне хотелось учиться, значит, я сознавал убожество своих знаний. Такое сознание очень похвально во всяком молодом человеке, а тогда я был очень молод: в эпоху вступления моего в библиотеку я только что начал переживать свой 21-й год.

Запас сведений моих был очень невелик, но и неучем меня нельзя было назвать: я вступил на службу из пятого класса гимназии. Русскую грамоту я знал порядочно, а из иностранных языков мне хорошо был известен один только польский, потому что я родился в Витебске и в тамошнюю гимназию вступил тогда еще, когда она принадлежала к виленскому учебному округу. Преподавали все на польском языке; товарищи мои были большею частью поляки. По-французски я читал очень плохо, того, что читал, не понимал совершенно, но захотел понимать и добился этого очень скоро. В немецкой азбуке меня затрудняли буквы г и х по большому их сходству, но это затруднение не было для меня продолжительно: в 1842 году, когда мне поручено было привести в порядок собрание эстампов, я пользовался уже немецкими книгами.

Библиотеку я застал в большом неглиже. Залы, обращенные на Александринскую площадь, не были еще окончательно отстроены, а в залах старого здания все свободные места завалены были грудями ящиков с книгами, привезенными из усмирненной Польши. Публика в библиотеку не допускалась, и библиотекари пользовались каникулами несколько лет сряду. Некоторые из них приходили один только раз в месяц, чтобы оставить свой автограф в манускриптах казначея, но двое бывали ежедневно; один — Востоков, постоянно

работавший в хранилище рукописей, которых он был хранителем; он тогда занимался приготовлением к изданию святыни библиотечной: Остромирова Евангелия. Другой ежедневный посетитель библиотеки был англичанин Аткинсон, приходивший всегда только в залу канцелярии, и садившийся у того стола, где лежали иностранные газеты. Библиотека получала тогда по почте: «Journal des Debats», «Gazette de France», «Journal de Francfort», «Allegemeine Zeitung» и «Gottingische gelehrte Anzeigen». Аткинсон немецких газет не читал, а Востоков просматривал все, но «Anzeigen» уносил читать домой: в библиотеке он дорожил временем.

Первоначальное положение мое в библиотеке было такое неважное, что менее важного, для коллежского регистратора, кажется, нигде не существовало. Я был писцом при делах казначейских, и обязанности мои были так немногосложны, что очень часто я мог бы вовсе не приходиться в библиотеку, но я приходил: меня очень интересовали верхние залы, наполненные книгами. Пользуясь отсутствием занятий в канцелярии, я проводил все свое время в верхних залах. Начальство, на первых порах, относилось ко мне внушительно, но скоро оно заметило, что ко мне так относиться вовсе не нужно: я делал свое дело, не ожидая напоминаний и, в обращении со старшими старого покроя, не рисовался, не давал места внушениям. Мало того, я сумел завладеть благорасположением ближайшего моего начальника, библиотекаря и казначея ¹⁾. Сей нарочито надменный и высокомерный муж простирает ко мне благосклонность свою до того, что иногда приглашал меня к себе пить чай, в те дни, когда я, в качестве дежурного, оставался ночевать в библиотеке.

Прочие библиотекари также начали обращать на меня лестное свое внимание и даже удостаивали чести отвечать на мои вопросы, когда я всепочтительнейше осмеливался вмешиваться в их беседу о городских новостях. О Востокове я этого сказать не могу. Его приветствия были очень просты и не манерны. Даже Владимирский крест, привязанный к его шее всегда туго, пользовался совершенной независимостью и очень часто торчал сбоку.

Я не могу положительно сказать, почему начальство, т.е. библиотекари, были со мной более любезны и разговорчивы, нежели с остальными членами канцелярии. Я был откровенен и болтлив. Мои взгляды и суждения я высказывал с детской откровенностью. Может быть их забавляла моя наивность. Что же касается до меня, то я находил всех этих почтенных людей до крайности скучными. Интересы, возбуждавшие их разговоры, были так сухи и обыденны, что я очень охотно оставлял их круг, чтобы удалиться в верхние залы. Вот, например, отрывок разговора, которым, удостоил меня один библиотекарь, член Российской Академии ²⁾.

В ожидании чего-то мы стояли у окна и смотрели на движение по Невскому проспекту. Тянулась погребальная процессия. Дроги везли шестериком.

¹⁾ Степ. Вас. Василевский, в 1833—34 году библиотекарь и исправляющий должность эконома и казначея Императорской Публичной Библиотеки. В. С.

²⁾ Мих. Естаф. Лобанов, библиотекарь Императорской Публичной Библиотеки и член Российской Академии Наук. Любопытные и характерные подробности о нем читатель может найти в «Дневнике» А. В. Никитенко, напеч. в «Русской Старине». В. С.

— А! — значительно воскликнул мой собеседник, — вы знаете, что значит шесть лошадей?

Пошарив в уме и, не найдя ничего, я ответил;

— Полдюжины, я думаю.

— Нет, вы, значит, не понимаете значения этой почести. Покойник был, по крайней мере, статский советник.

— А-а-а!

— Я по чину не имею, конечно, права на такую почесть, но по званию члена Российской Академии и т. д.

Посмотрел я на моего собеседника с большим вниманием. Желания его показались мне довольно умеренными.

Иван Андреевич Крылов был толст и важен. Когда он приходил получать жалованье, то на поклон мой он отвечал только улыбкой. Кланяться он мне не мог по двум причинам: во-первых, он давно был статский советник, а я свежий коллежский регистратор и, во-вторых, для тучного человека одно кивание головой есть уже труд, а у Крылова голова-то была очень большая. Впрочем, со мной он всегда был любезен и обращался всегда со словами: «мой милый». В это время все статские советники так говорили, обращаясь к канцелярскому чиновнику. Крылов являлся за жалованьем каждый месяц очень аккуратно, но скоро ему это надоело, и он попросил меня приносить ему жалованье на квартиру. Он жил в казенной квартире, которую теперь занимает г. Ген ¹⁾). Наконец, ему надоело расписываться каждый месяц, и он попросил, чтобы вносили его в список по третям. Случилось однажды, что казначей куда-то отлучился, оставив у меня на руках довольно большую сумму денег для раздачи жалованья чиновникам, а в том числе и Крылову. Отсчитав следовавшую ему порцию, я, по своей ветрености, ошибся, и когда, расписавшись, он взял у меня деньги и бросил их в стол, не сосчитав, вероятно также по ветрености, тогда я ему сказал:

— Иван Андреевич, вы, который пустили в ход столько новых пословиц, не внемлете совету старой: деньги любят счет.

— Эх, мой милый, вы не станете меня обманывать.

— Умышленно не стану, но я могу ошибиться и обмануть вас так же, как, и себя.

— Ну-ну, хорошо.

Он пересчитал деньги и оказалось, что я не додал ему 100 руб. Старик сконфузился, а я еще больше. Кажется, последовало даже рукопожатие, в первый и в последний раз в моих с ним отношениях.

Этот ничтожный случай не совсем хорошо рекомендует казначейские мои способности, но со временем я сам сделался казначеем, и не раз случалось мне не додавать денег получателям, но они были не Крыловы и, получая, считали. Они до такой степени были не Крыловы, что получая лишнее, не возвращали, а это случалось при моей крайне-слабой страсти к деньгам.

¹⁾ 1867. Квартира эта в доме библиотеки, на Б. Садовой, над книжным магазином Глазунова.
В. С.

С товарищами моими по канцелярии я не очень был близок. Они считали меня каким-то франтом. По костюму они имели полное право считать меня франтом: в костюме моем были всегда части, обличавшие присутствие на мне белья, а у них признаков этих не бывало. Франтовство мое они полагали не в костюме, а в нравственном моем развращении. Я пытался иногда говорить с Аткинсоном по-французски, но, что всего хуже, я на русском языке высказывал иногда ужас наводящую якобинщину. Однажды подбиблиотекарь, бывший помощником секретаря ¹⁾ (секретарем был Ал. Ив. Красовский ²⁾) подал директору записку, в которой просил поместить его на вакансию библиотекаря. Директор отказал, совершенно, впрочем, справедливо. Очень естественно, что отказ ожесточил просителя, и он, пользуясь отсутствием старших, выражал свою печаль перед товарищами следующими словами:

— Я, 17 лет, здоровье свое, может быть, жизнь свою, полагал на службу. Каждый день, не смотря ни на какую погоду, от Смоленского кладбища ходил в библиотеку, и вот награда за самопожертвование.

— Помилуйте, — сказал я, — какое же тут самопожертвование? Вы ходили в библиотеку для того, чтобы иметь право получить жалованье и им удовлетворить ваши нужды. Кроме жалованья, вы получали чины, и вот у вас знак св. Станислава в петлице. А знаете ли вы, что значит чин и крест? Ведь эти награды имеют значение государственное. Они возводят нас на высшие степени, и возводят навсегда; а вы, кроме обыкновенных канцелярских занятий, ничего ведь не произвели такого, что отделялось бы и виднелось навсегда, как ваш чин и крест. Я сам получил первый чин за отличие, но по совести должен сознаться, что за мои ребячьи заслуги такой важной награды давать не следовало, хотя я очень радуюсь тому, что мне ее дали.

Противник мой встал и, торжественно указывая на меня, сказал своим товарищам: «вот эти франты сядут нам на голову!»

Личность, высказавшая это пророчество была до того темная, что в те даже времена, не смотря на его чин титулярного советника, ближайший начальник, А. И. Красовский, обращался с ним почти бесчеловечно. Бумаг в канцелярии писалось очень не много, следовательно чиновник этот был часто без дела.

Газеты его не интересовали, и он предавался чтению все больше божественного.

Когда Красовский приходил в библиотеку и замечал, что чиновник, отвесив поклон, ожидал приказаний, то за неимением дела нужного, он доставал какую-нибудь книгу и давал ему переписать страницы две-три, смотря по количеству часов, сколько тот должен был оставаться в должности.

К публике, желавшей пользоваться библиотекой, чиновники канцелярии относились крайне недружелюбно. Однажды, войдя в канцелярию, я заметил какого-то постороннего, который смотрел в хранилище рукописей сквозь стекла двери, а потом стал ходить по зале и читать кое-какие надписи и правила для посетителей, вывешенные в рамках. Я подошел к нему спросить, что ему нужно,

¹⁾ Алексей Егорович Протопопов сын священника при Смоленском кладбище. В. С.

²⁾ Александр Иванович Красовский—известный по разным любопытным анекдотам, цензор времени Николая I. В. С.

и узнал, что он французский путешественник и что он желал бы видеть библиотеку. Мне не случилось еще показывать библиотеку посетителям, и я не решился сам собою повести француза, а подошел к вышеописанному старцу испросить его совета. Я ожидал, что он непременно скажет: «почему же нет, покажите», но вместо того он огорошил меня ответом: «нет, никак нельзя». Не смотря на положительность этого отказа, я все-таки повел француза по залам, вполне сознавая, что вреда этим я никакого библиотеке не сделаю и никакой тайны иностранцу не открою. Я ободрял себя таким сознанием, но мог, однако же, ожидать, что о своеволье моем будет доведено до сведения высшего начальства. В силу соображений такого рода, я, прощаясь с гостем, попросил его написать свою фамилию, мотивируя мою просьбу тем, что я должен буду донести начальству о его посещении. Я видел, что гость был не парикмахер, и действительно, он, написав свою фамилию, прибавил: «Pair de France». Я подошел к старцу, читавшему, кажется, жития святых, и, извиняясь в том, что не послушался его совета, сказал ему, что француз этот был пэр Франции. — «Много этих пэров слоняется вон там, по Невскому, — заметил старец, — тут слуг для них нет; да ладно». Вздохнул старец, и снова углубился в чтение. Вздохнул он, конечно, не о пере Франции, а о том, что он вычитывал в ту минуту, когда я со своим извинением оторвал его от книги.

Я называю его старцем, хотя в то время он вовсе не был стар, но старцем он сделался смолоду, предаваясь с особенным тщанием божественному, ходил сгорбись, волочил ноги, притворялся близоруким и носил шляпу с широкими полями, подложенными зеленым плюшем.

Директор (Оленин) в то время был для меня недосыгаем, и, если бы мне не было приказано ходить к нему два раза в неделю дежурить по утрам, на случай могущей встретиться надобности переписать что-нибудь, то я никогда и не видел бы его. Дежурства мои у директора давали мне случаи получать лично от него разные приказания, и я, каким-то манером, сам уж не знаю как, удостоился благосклонного его внимания, и даже, к великому соблазну моих товарищей, раза два или три обедал в кругу его семейства. В то время честь эта была не только великая, а даже неслыханная. Не даром же библиотечная канцелярия называла меня франтом.

Тогда директор библиотеки был вместе и президентом Академии Художеств. Бывая у него, я познакомился со многими художниками и сам начал порисовывать у себя дома в свободное время. Директор, заметив, что у меня есть каллиграфические замашки и способность владеть карандашом, поручил мне сделать, по древним русским образцам, заголовки к официальным бумагам библиотеки. Эта ничтожная работа имела для меня последствия очень важные. Приехал раз в библиотеку Василий Петрович Стасов. Ему нужно было написать вязью несколько слов на проекте медали по случаю возобновления им собора в Смольном, и он хотел поискать образцов вязи в рукописях. Он встретил, прежде всех, знакомого ему, того библиотекаря (Лобанова), который желал быть похороненным в качестве члена Российской Академии. Сей страж русского слова подвел Стасова ко мне, как к искуснику, почерпнувшему уже мудрость свою из рукописей и сделавшему заголовки. В тот же день я сделал для Стасова, что было

нужно, и эта ничтожная вещь была поводом к моему с ним знакомству. Когда, на другой день, я принес ему свой рисунок, то он, хотел было заплатить мне, но я посовестился взять у него 2—3 медных рубля и сказал, что личное мое знакомство с ним есть плата слишком достаточная за мой ничтожный труд. Тогда Стасов посадил меня, и мы провели в беседе несколько заветных для меня минут. По совету его, и при содействии директора-президента, я начал посещать Академию Художеств.

Войдя в круг художников, я возмечтал, что вот я кончу ученье в академии и поеду даже в Италию совершенствоваться. Большинство академической молодежи помышляет об Италии, но очень немногие едут туда, и хорошо делают, потому что итальянская жизнь вообще мало приносит пользы молодым нашим художникам. Как ни отдаленна была для меня в то время поездка в Италию, но я начал к ней готовиться: пригласил signor'a Valerio (автора очень хорошей итальянской грамматики) учить меня по-итальянски. Приготовления эти послужили только к тому, что теперь я говорю немножко по-итальянски и итальянские книги — не чужие мне книги, а Италия... Я встретил 13-тилетнюю девицу, в которой угадал свою жену и с нею забыл про Италию. Совестно немножко признаться в этом, но вместе с тем и очень приятно.

В год поступления моего в библиотеку было окончено новое ее строение, украшающее теперь Александринскую площадь. Книги, привезенные из Польши¹⁾, вынули из ящиков и расставили в шкафы. Привезенные книги были взяты из нескольких библиотек: Варшавской публичной, Общества любителей наук (Societe philomatique), Пулавской князя Чарторыжского, библиотеки пана Домбровского и князя Сапеги. Последние три библиотеки были так не полны, что их скорее можно было назвать отрывками библиотек. До занятия нашими войсками тех местностей, где они находились, поляки успели увезти из них все, что было лучшее. Каждая библиотека стояла у нас отдельно.

Когда все эти приращения были расставлены, мне открылось для изучения новое, очень обширное, пространство библиотеки. Молодой, цепкий и физически неутомимый, я лазил по шкафам и удовлетворял, как умел, жажду знания. В утреннее время, когда не было дела в канцелярии, я уходил в новые залы, а в дни дежурства я оставался в них до сумерек. Года в два-три я ознакомился с библиотекой очень хорошо. Знал, где что стояло в старых залах, знал все привезенные из Польши собрания книг и, когда библиотеку открыли для публики, а библиотекари по-прежнему оставались закрытыми, я один мог удовлетворять все требования читателей, из всех отделений на иностранных языках. В отделении книг русских был всегда на лицо помощник Крылова, Иван Павлович Быстров.

Перед открытием читальной залы для публики, библиотеку посетил государь император. Это произошло совершенно неожиданно. В жаркий летний день²⁾, часу во втором, вбежал в залу канцелярии министр, граф Сергей Семенович Уваров и, не снимая ни шляпы, ни своего плаща с коротеньким воротничком, подбежал прямо к казначейскому столу и быстро спросил меня: «где архитектор?» (Щедрин). Когда я ответил, что Щедрина нет в библиотеке, министр

¹⁾ После Польского восстания 1830 года,

²⁾ 5 июля 1835 года,

побежал назад, сказав: «сию минуту государь будет сюда».

Из старших чиновников был на лицо один только Востоков; но и тот, услышав, что государь будет, бросился домой надевать мундир. Он жил на даче в Емельяновке, за Екатерингофом. Я побежал наверх убрать со стола книги, которыми я в то утро занимался, и только что успел смахнуть платком пыль, оставшуюся на столе, как увидел идущего государя с министром и Щедриным. Я был в вицмундире, но остальное на мне было светлое, летнее. Я знал, что государь не любил таких вольностей в форменном костюме, но отступить было поздно. Государь прошел, я поклонился, и по малой лестнице спустился в залу канцелярии. Когда я сказал чиновникам канцелярии, что государь уже в бельэтаже, то они совершенно растерялись. Старец буквально дрожал. Несколько минут спустя государь прошел в хранилище рукописей, а еще минуту спустя, оттуда выбежал Щедрин и спросил, где Ардебильские рукописи ? ¹⁾ Старших никого не было, но тут помогло мое всегдашнее любопытство: я знал, где стояли рукописи. Подбежать к столу Востокова, вытащить из ящика ключи, подтащить к шкафу лестницу (я не мог достать ключом до замочной скважины) и отпереть шкаф было для меня делом полуминуты. Когда государь начал рассматривать рукописи, я поспешил уйти: неисправный костюм конфузил меня. Только что государь уехал, в библиотеку начали стекаться власти. Приехали директор и библиотекари с дач, явился и Востоков, из Емельяновки, усталый и в мундире. В это посещение государь приказал называть одну из больших зал бельэтажа— Ларинскою, а для восточных рукописей сделать те шкафы, которые и теперь закрывают собою два средних столба хранилища рукописей.

Вслед за посещением государя, библиотеку открыли для публики. Читатели допускались только три раза в неделю. Занятия в читальной зале начались вяло. Посетители требовали русских книг очень не много, а иностранных еще меньше, потому что новых книг библиотека тогда вовсе почти не покупала, русских же печаталось мало, да и публика в те времена читала вообще далеко не так охотно, как теперь. Стоит оглянуться на журналистику прошлого времени, чтобы получить понятие о тогдашней любознательности нашей публики. Чтение есть важный симптом общественной жизни, и библиотека, как место для чтения, есть наиудобнейший инструмент для наблюдения над движением умственной деятельности общества в известный период времени. Само собой разумеется, что всякие наблюдения могут быть верны тогда только, когда инструмент находится в исправности, когда все части его чисты, не засорены, хорошо отполированы и смазаны елеем. Чтение не есть бесследная забава, как танцы, игра в карты и т.п. За чтением следует непременно работа мозга, вызывающая слово. Если обе эти функции совершаются у тысячи особей, то, нет сомнения, что они отразятся на всем, чем общество занимается. Мы, старики, говорим, что теперь у нас вздор говорят и вздор пишут, но, отрешась немного от настоящего и воротясь к тому времени, когда мы сами были молоды, мы не затруднимся вспомнить, что и у нас были свои старики, и они с сожалением покачивали на нас головами.

¹⁾ Восточные рукописи знаменитой Ардебильской библиотеки (при мечети) были взяты и доставлены в Россию в 1828 г., генерал-адъютантом графом Сухтеленем. В. С.

Всякое настоящее, приходится для того, чтобы уступить место будущему, которое выразит последствия всего, что делается в настоящем, а кто знает, какие будут последствия нашего настоящего? Как бы то ни было, но, сидя в библиотеке с 1834 года, и наблюдая ее читальную залу, можно убедиться, что интересы читающей публики страшно изменились в 30 слишком лет, и кто скажет, что наше общество идет назад, тот немножко ошибется, а если кто вздумает проводить в общество что-нибудь из преданий прошлого, тот еще немножко ошибется.

Леность тогдашних библиотекарей была выше лености публики. Читатели очень мало требовали, а библиотекари (кроме Ив. Павл. Быстрова) ничего не давали. Обстоятельства сложились так, что мне, писцу при казначейских делах, пришлось быть главным деятелем по удовлетворению читателей иностранными книгами. Можно себе представить, как не велики и не затейливы были требования читателей, когда я в состоянии был удовлетворять их. Я с особенным удовольствием занимался этим делом, потому что я понимал важность его. Никто не обращал внимания на то, что я делаю, и мне странно показалось, что Ал. Хр. Востоков написал к директору письмо, в котором просил его прибавить мне жалованья и сравнять меня с подбиблиотекарями. Я узнал об этом тогда только, когда на письмо Востокова последовал отказ, и этот честный человек показал мне его, выражая сожаление, что хлопоты его не удались.

У нас теперь в читальной зале есть набор молодых людей, носящих собирательное название «дежурства». Название это, по моему, не совсем сродно тому предмету, которому оно присвоено, но оно верно по своему историческому происхождению. В былые времена все библиотекари, старшие и младшие, и все писцы дежурили в библиотеке по целым суткам, и на их обязанности лежало выдавать читателям заранее приготовленные книги. В деле этом было прежде много патриархального. Я уже не застал того времени, когда дежуривал Ив. Андр. Крылов, но мне рассказывали, что, придя дежурить после обеда, он ложился обыкновенно на диван и читал лежа, а когда приходили посетители, то он, не вставая, указывал им на шкаф с приготовленными для них книгами, и просил брать, что кому нужно. Точно также, или почти также, поступали и другие библиотекари из разряда высшего. Когда библиотеку открыли для публики, в мое уже время, высшие библиотекари большею частью не дежурили лично: обязанности эти исполняли за них младшие, за деньги, конечно.

В 1842 г., со смертью А. Н. Оленина, назначен был директором библиотеки Д. П. Бутурлин, и общие каникулы кончились. В новом директоре я долго не видел человека. В делах служебных он сохранял неприступную важность и чрезмерную сухость в обращении. Что всех библиотекарей он заставлял работать, это хорошо, но что он заставлял их молчать, это не хорошо. Он был из военных и любил, конечно, дисциплину. Дисциплина вещь хорошая, но в гражданском, а тем паче в ученом деле, она должна быть совсем не такая, как во фронте, а библиотекари узнали фронт. Повиновались все, нечего сказать, и хорошо повиновались, но из одного повиновения проку, как известно, бывает не много. Обуянные страхом библиотекари вели себя так, что со способностями и знаниями их Д. П. Бутурлин не имел возможности ознакомиться. Осмотревшись на первых порах, он убедился, что прежде всего нужно каталогизировать рукописи, и скомандовал

всем библиотекарям: марш в хранилище рукописей! Он не остановился на том, все ли библиотекари годны для каталогизирования рукописей. Они носили звание библиотекарей, и этого для него было достаточно. Он заставил их писать, а сам очень добросовестно наблюдал, чтобы они не ленились. Очень понятно, что далеко не все библиотекари были подготовлены для такой важной работы, а некоторые были положительно не годны, но размышлять и подготавливаться никто не думал, потому что этого не требовалось, да и некогда было. Велено было описывать рукописи, все и пошли описывать. Работы произведено было много, бумаги исписано также много, но все это проделано без всякого участия мысли. Не было совокупной научной деятельности, совещаний, размена впечатлений, не было, наконец, критики, без которой многосложное дело библиографии и в особенности каталогизация рукописей хорошо идти не могут. Всякий старался сделать как можно больше, чтобы заслужить благосклонную улыбку директора, всякий дорожил временем и не вникал поглубже в то, что делал. Чтобы сделать хорошо, нужно остановить внимание на предмете работы, изучить его; но останавливаться и изучать — значит терять время, и за потерю казенного времени получить выговор. Библиотекари рассказывали, что один из них, встретив рукопись крайне неразборчивую и, не имея возможности изучить ее, ограничился следующим упоминанием в каталоге: *manuscript historique*.

В эпоху вступления Д. П. Бутурлина в управление библиотекой я все еще был писцом при казначейских делах. Узнав, что я художник, он поручил мне привести в порядок собрание эстампов и возвел меня в звание подбиблиотекаря. Работа с эстампами принесла мне много пользы: я ознакомился с историческим значением гравюры. Эта была как бы отдельная кафедра в курсе моего библиотечного образования.

Работая с гравюрами, я подметил в себе очень важный недостаток — незнание английского языка. Я предвидел, что недостаток этот будет ставить меня в неловкое положение со временем, когда я, в качестве подбиблиотекаря, окончив эстампы, займусь другими работами. Я приискал английского учителя и, когда в скромной квартире моей, жена моя в одной комнате брала уроки на фортепиано у известного тогда в Петербурге пианиста Фердинанда Шиллера, я, в другой комнате, при помощи мистера Бошмана, усваивал себе формы английского языка.

Принимаясь за эстампы, я имел осторожность представить директору предварительное объяснение плана, которому я предполагал следовать в своей работе; я даже определил трехгодичный срок для совершенного окончания дела. Действительно, я провел три года над изучением гравюры и вместе, над размещением по школам всего нашего собрания. Работал я один в зале существовавшего тогда верхнего этажа, слитого теперь мною с бельэтажем. Д. П. заходил ко мне иногда, и, всегда строгий, всегда важный, посматривал на мою работу, не вникая, однако же, никогда в то, что я делал, и так ли делал, как обещано было в предварительно представленном мною плане.

Кончив мой труд, я показал его Д. П.—чу и получил от него строжайший выговор за то, что во главе всей коллекции лежала маленькая, но редкая, гравюра Мартина Шёна, занумерованная не первым, а каким-то большим номером, по систематическому списку (Мартин Шён выставлен теперь в витрине, как замечательное произведение, и знатоки останавливаются перед ним). Не входя в

подробное рассмотрение всего моего труда, Д. П. сказал мне с гневом и возвыся голос: «Вместо того, чтобы привести эстампы в порядок, вы привели их в беспорядок». Когда голос его возвышался, то никакие объяснения не могли иметь места. Передавая это грустное прошлое, я не могу, однако же, сказать с укором: «таков был Д. П. Бутурлин, но, с признательностью к настоящему, я могу сказать: «таков был у нас дух времени 20 лет тому назад». Есть и теперь грозные начальники, но они стали редки, и это все больше такие особы, на которых дух времени не действует: природа заклеяла их, а тогда и умнейшие люди нередко были грубы,

Выговор, и притом очень строгий, в самом финале моей работы, мог иметь очень невыгодные для меня последствия в дальнейшей моей службе в библиотеке. Я видел, что Д. П. заблуждался вследствие незнания, но как же мне было объяснять ему, когда дисциплина требовала покорности и молчания! Счастливая мысль озарила меня.

Я обратился к Н. И. Уткину, знаменитому граверу и хранителю эрмитажной коллекции. Осмотрев все, что я сделал, Уткин объявил, что и план моей работы, и исполнение, несравненно лучше, нежели в Эрмитаже, где этим делом занимался 40 лет некий Нот, и сделал так, что ничего найти нельзя. Мнение Уткина было, конечно, уважено, и я получил приказание описать гравюры в том порядке, как они разложены. Описание это я сделал, и представил 10 томов in-fol.

Д. П. находил, что старая часть здания библиотеки в конструкции своей имеет слишком много дерева, и поэтому она не довольно безопасна для такого учреждения. Он начал хлопотать о перестройке, и добился того, что архитектору министерства народного просвещения, А. Ф. Щедрина, поручено было составить проект. Щедрин взглянул на дело слишком консервативно. Вместо внутренних деревянных колонн, он нарисовал чугунные; вместо деревянных хор проектировал железные и, наконец, деревянные балки гладкого потолка предположил заменить железными, кованными. О полах, дверях, окнах и шкафах не было и помину, а сумма расхода выразилась в цифре 500.000 руб. ассигнациями. Сумма оказалась слишком круглая, и Д. П.—чу отказали. Мое дело было тогда молчать и смотреть, как старшие действуют. Щедрин удостоил, однако же, меня чести посмотреть на его проект, и мне померещилось, что я сделал бы иначе; но я был глубоко убежден, что моя мысль есть фантазия, а настоящее-то, хорошее дело, замышляет он, Щедрин. Дома я попробовал дать себе отчет в том, что фантазия мне диктовала. Если перед начальством я должен был молчать, то ведь это не значит, что и дома я не должен чертить. Я чертил, думал, соображал, и, позабывшись, бросил свои эскизы в портфель, а через 20 лет мне пришлось их искать. В последние три года (1865-1867 гг.) я исполнил точь в точь то же самое (кроме полукруга, где сидит Вольтер), что роилось в моей голове во времена Д. П. Бутурлина.

Служители библиотеки помещались так дурно, что Д. П. начал ходатайствовать о постройке для них нового флигеля. Это ходатайство его было уважено, и он поручил архитектору библиотеки составить проект; но архитектор проектов делать не умел, и нашел более удобным совсем отказаться от такого места, на котором вздумали заставлять его делать проект. Д. П. обратился к Щедрину, а тот указал на меня. Д. П.—чу казалось странным, чтобы человек, разбирающий

эстампы, мог также строить, но он послушался Щедрина, и с тех пор я — архитектор библиотеки. Составив проект, я начал строить тот флигель, в котором служители живут и теперь.¹⁾ Первый год постройки прошел благополучно, но при отделке флигеля случилась у меня с Д. П. встреча сильная. Я умолчу о ее подробностях, потому что она грустная, и притом мне пришлось бы рассказывать, как сильный и притом умный человек, впал в ошибку, допустив себя поверить тому, что очень похоже на правду. Скажу только, что было подозрение возмутительное; было, если не формальное следствие, то, по крайней мере, очень строгое расследование или дознание. После всего этого, Д. П. скинул предо мною свою грозную внешность и явился человеком добрым и даже ласковым. В то время я не постигал, какое сильное влияние имела на него его ошибка относительно меня, но когда, после его смерти, я, как архитектор, имел довольно серьезные дела с покойной его супругой, которой я ни разу не видал при его жизни, когда она ласково, почти нежно, приняла меня в Париже в 1859 г., незадолго до ее кончины, когда, наконец, я стал получать через русских путешественников поклоны от его сына, поселившегося за границей — тогда я понял, что Д. П. должно быть искренно сожалел о прошлом, и передавал в своем семействе подробности моего дела. Какую неизмеримую разницу увидел я между грозным начальником, крушившим меня за эстампы, и человеком, протянувшим мне руку!

Вспоминая начало моей архитектурной деятельности в библиотеке, не могу не рассказать одного необыкновенного психического явления, мною тогда испытанного. Снилось мне однажды, что в темном углу 6-й залы происходит пожар. Сновидение было не страшное, но я до того отчетливо запомнил всех людей, которые были на пожаре и все слова, которые они говорили, что даже рассказал свой сон жене. Спустя несколько дней, снится мне тот же пожар, и в том же углу 6-й залы, но с такой тревогой и такой беготней, что я даже проснулся от волнения. Второй сон я также рассказал жене. Прошло еще, может быть, с неделю, как тот же зловещий сон представился мне, но уже в размерах ужасающих: я видел пожарную команду, государя. С криком вскочил я с постели и, придя в библиотеку, отправился прямо в 6-ю залу, чтобы осмотреть темный ее угол. Над шкафом по стене тянулась темная полоса копоти. Такие полосы бывают у душников, но, хотя под этой полосой действительно был душник, но она показалась мне чернее, и я попросил эконома приказать не топить коробовой печи, стоявшей в подвале под тем местом, где тревожные признаки были обнаружены. Одну печь можно было перестать топить, потому что было такое время года, что холодов уже можно было не бояться. С наступлением времени ремонтных работ я разобрал шкаф и, в соединении стены с плитною выстилкой под шкафами, нашел щель, сквозь которую огонь проникал из дымовой трубы прямо под шкаф. Нижняя сторона нижней полки уже превратилась в уголь: не доставало небольшого отверстия, чтобы раздуть пламя. Сделали все, что было нужно, чтобы совершенно устранить опасность. Эконом не решился доложить директору ни о грозившей беде, ни о мерах, принятых к ее устранению.

¹⁾ Капитальные перестройки библиотеки были совершены в 50-х и 60-х годах — Соболевским. В. С.

Действительно, случай этот мог сильно встревожить директора и произвести такую историю, от которой пострадал бы, может быть, и строитель здания, Щедрин, между тем как, по справедливости, его никак нельзя было обвинять. Строителю не было никакой возможности усмотреть то, что я нашел совершенно случайно. Мог ли строитель, или его помощник, наблюдать, как клали плитную выстилку, которая, с множеством других более важных работ, производилась в нескольких местах в одно и то же время? Подняв плиту, я нашел разбитую шайку, сломанные носилки и рогожу. Все это было уже сгоревшее, и только по группам угля можно было угадать, какие это были предметы.

Когда я работал с эстампами, прочие библиотекари, покончив с рукописями, принялись за печатные книги. Дело началось с перестановки всей библиотеки. Старое собрание книг, состоявшее из библиотек братьев Залусских, князя Лобанова-Ростовского, Вязьмитинова и полоцкой поиезуитской, сливалось с библиотеками, привезенными из Польши. В это же время поступило к нам великолепное собрание книг графа Сухтелена, также потонувшее в общей массе. Все это необозримое море книг долго колыхалось и переносилось с одного места на другое, пока наконец не образовало нынешних главных отделений. Общая переноска книг была работа титанов, и когда наконец она была окончена, всем библиотекарям приказано было работать опять вместе, и начать каталогизацию отдела наук исторических. Д. П. Бутурлин любил порядок и отчетливость, и вовсе не был склонен полагаться на добросовестность своих подчиненных. Чтобы удостовериться, сколько может сделать ежедневно один библиотекарь, он сам лично сел работать с ними, и, проработав 4 часа, определил, чтобы каждый библиотекарь изготовлял в течение недели известное количество карточек и сдавал их эконому. Работа закипела, но ее производили люди разнородные и по способностям, и по сведениям. Им, конечно, не было дано места выказать свои способности и познания: велено было только списывать заглавия целиком, списывать с дипломатическою точностью, и еженедельно передавать эконому установленное количество листков. Начальник относился к делу безучастно, и требовал только цифры; подчиненные работали также безучастно, и, в свою очередь, хлопотали также об одной только цифре, старались списывать возможно большее число заглавий. Кто успевал написать больше, нежели было установлено, тот излишек свой прятал в запас, и не сдавал эконому. Явилось на сцену школьничество. Некоторые библиотекари приходили украдкой, в праздничные дни, пораньше, и подбирали для себя книги с короткими заглавиями, а свои, с длинными заглавиями, подсовывали товарищам. Многотомные сочинения, имевшие короткие заглавия, расставляли в разные шкафы, каждый том отдельно, чтобы потом писать для каждого тома отдельную короткую карточку. Вследствие этих проделок, когда все карточки были написаны и приведены в азбучный порядок, то, конечно, карточки всех частей многотомных сочинений соединились. По указаниям листков, разбросанные Томы отыскивались и ставились вместе, а лишние карточки выбрасывались.

В эпоху всеобщего писания карточек для отделения исторических наук, последовало личное мое сближение с Д. П. Бутурлиным и окончание инвентарной описи собрания эстампов. Я предвидел, что и меня сошлют в историческую артель, но, к великому моему счастью, мне позволено было заниматься одному в

отделении изящных искусств, и даже не было предписано сдавать свою работу по понедельно эконому. Это был признак доверия ко мне. Само собой разумеется, что в искусствах я принялся делать совершенно то же самое, что прочие товарищи делали в истории.

В первоначальной расстановке книг, на полках господствовал азбучный порядок, но при перестановке «Исторического отделения» во время слития всех библиотек, порядок этот был оставлен по идее Шреттингера (Schrottinger, Versuch eines vollständigen Lehrbuchs der Bibliothek-Wissenschaft). Допуская такую важную реформу, библиотекари совершили, однако же, поклонение рутине и сохранили разделение на форматы, а не поставили книг просто по их величинам. Книги одного формата бывают, как известно, разных величин, вследствие чего верхи их на полке не имеют прямой горизонтальной линии. От этого между полками бывает много неправильных пустот, которые, в общей массе, составляют большие незанятые пространства. Когда библиотекой стал управлять барон М. А. Корф, и новые книги обильным потоком полились в нее, тогда в отделении истории вдруг оказался недостаток места. Библиотекари обратились к начальству с просьбой построить новые шкафы, а начальство призвало на совет меня, как архитектора; но я, не пускаясь в архитектурские соображения, заговорил прежде, как библиотекарь, и посоветовал прекратить поклонение формату, не имеющему, по личным моим убеждениям, ни малейшего значения в расстановке книг, подобрать книги строго по их величинам, для того, чтобы верхние их оконечности представляли горизонтальную линию, к которой можно было бы опустить следующую полку. Библиотекари восстали против такого вандализма, но из всех доказательств приведенных ими, самое сильное было то, что во всех библиотеках Европы книги ставятся по форматам, и большие книги in 4° никогда не смешиваются с малыми фолиантами, а малые in 4° — с большими октавами. Доказательство это было, однако же, не так сильно, как велика была польза, предусматриваемая в экономии места. После долгих споров решено было переставить книги по величинам. Переставили, и получили свободного места более 40% в двух обширных залах: 12-й и 14-й. Изветшавшая теория была безжалостно возложена на алтарь перед здоровою и свежую силою практики. Не смотря на весь вандализм этой меры, в «Историческом отделении» книгу никогда не ищут, а идут по указанию каталога прямо к тому месту, где она стоит, и берут ее, не теряя ни секунды на поиски. Как ни практична такая расстановка, но сила привычки так велика, что ученейшие библиотекари подтрунивают над ее изобретателем и называют ее «солдатской расстановкой». В деле, практически полезном насмешки очень сносны, а иногда они даже забавляют, когда бывают остроумны. Насмешка идет к своей скромной цели, а практическое и притом хорошее дело довольно красноречиво говорит само за себя.

Насмешки над нашей расстановкой книг не замкнулись в нашей библиотеке, а перешли и в Германию. Один ученый путешественник Бругш ¹⁾, изобразил ее в очень смешном виде. В книге его: «Reise der K. Preussischen Gesandtschaft nach Persien 1860 und 1861», в первом томе, на стр. 91 - 93, помещен небольшой рассказ о библиотеке кавказского наместника, и такой интересный, что я выписываю его полностью.

¹⁾ Знаменитый египтолог. В. С.

«Der Fürst schickte mir die Kataloge seiner Bibliothek, eine Zusammenstellung nach verschiedenen Prinzipien geordneter buntgefärbter Zettel, die sehr sauber und übersichtlich in Kartons niedergelegt waren. Der Statthalter ließ mir zugleich den Wunsch aussprechen, ein Urteil über diese neuerdings erst von seinem Bibliothekar geordneten Kataloge zu fallen.

«Ich hatte kaum die Kasten geöffnet, als ein braver Offizier der kaukasischen Armee mich eilends zu sprechen beehrte.

«Es war der Rittmeister Corradini. Das Georgenkreuz auf seiner Brust, das Ahnenkreuz am Sabel sagten mir deutlich genug, dass ich die Ehre hatte einen der Tapferen zu sehen, die Tscherkessenkugeln und Tscherkessenmessern furchtlos entgegengehen.

«Ah, Monsieur, sagte er mir im geläufigsten Französisch, vous allez me perdre sans le savoir peut-etre! Ayez pitie de moi! Vous avez les catalogues de notre prince?»

«Mir wurde bei den hastig und atemlos gesprochenen Worten selber angst und bange. Ich bejahte die Frage.

«Sie wissen vielleicht noch nicht, fuhr er fort, dass ich der Bibliothekar des Fürsten bin. Wenn Sie ihn kennen wurden! er ist wie ein Kind so gütig, so zärtlich, aber auch streng und zornig, wie der Löwe. Ich habe die Bibliothek ordnen und die Form und Anordnung der Kataloge geradezu erst erdenken müssen, um dem Fürsten das Finden und Holen eines Buches ohne Zeitverlust noch Missverständniss zu gestalten. Welche Arbeit für mich! Lieber vor einer Batterie stehen, als vor solchen pappenden Soldaten».

«Sie wissen, der Fürst leidet zeitweise so furchtbar an Rheumatismus, fuhr er fort, dass er nicht im Stande ist, ein Glied zu rühren, geschweige sich von seinem Sessel zu erheben. Er will ein Buch haben. Nehmen wir an Lamartine's Poesien. Er klingelt den Kosaken. Der bringt ihm die Farbentafel. Jeder Wissenschaft habe ich eine besondere Farbe zugeteilt».

— «So findet man die Theologie im... «schwarzen Kasten?» fiel ich ein.

— «Ganz recht, im schwarzen, die Medizin im roten, u. s. w. Der Poesie habe ich die rosenrote Farbe gegeben. Der rosenrote Kasten wird geholt, unter L findet sich Lamartine und die Nummer des Buches. Der Kosak geht zum rosenroten Spinde, sucht Nummer so und so heraus, und das gewünschte Buch wird dem Fürsten gebracht».

«Lachend stimmte ich dem Systeme des guten Rittmeisters bei und verstand nun die farbigen Zettel.

— Ja, draußen in Europa ist die Sache leichter, aber denken Sie nur daran, dass hier im Kaukasus Lesen und Schreiben beim gemeinen Mann etwas seltenes ist. Der Kosak kann nur Zahlzeichen erkennen, die Farben weiß er ja zu unterscheiden, somit ist das Suchen eines Buches ohne die geringste Schwierigkeit verknüpft, und, was die Hauptsache ist, der Fürst verliert nicht die Geduld».

«Ich konnte nur von neuem das System des Rittmeisters loben.

— «Also Sie werden meine Kataloge beim Fürsten nicht tadeln? ».

— «Im Gegenteil, erwiderte ich, in der verdienten Weise bestens loben.

— «Oh, sie machen mich unendlich glücklich! Rechnen Sie auf jede Art von Dienstleistung meinerseits». ¹⁾

¹⁾ Наместник прислал мне каталог своей библиотеки: набор организованных по разным темам цветных карточек, которые были аккуратно уложены в

коробке. Мне было предложено дать оценку этому каталогу, недавно составленному его библиотекарем.

Едва я открыл ящик, как brave офицер кавказской армии пожелал немедленно поговорить со мной.

Это был ротмистр Коррадини. Георгиевский крест на его груди, знак на сабле указали мне, что я имею честь видеть одного из храбрецов, которые бесстрашно шли навстречу черкесским пулям и ножам.

-Монсеньор, - сказал он мне на хорошем французском. - вы можете погубить меня, имейте ко мне снисхождение... У вас каталоги нашего наместника?

Мне стало страшно при этих, высказанных с ненавистью, словах. Я ответил утвердительно.

-Возможно, вы еще не знаете, продолжал он, что я являюсь библиотекарем наместника. Если бы вы его знали! Он как ребенок, такой нежный и добрый, но одновременно с этим строгий и гневный как лев. Я упорядочил библиотеку, и должен был так продумать форму и порядок каталога, чтобы обеспечить наместнику поиск и доставку книг без проблем и потери времени. Какая мука для меня! Лучше стоять перед батареей, чем перед этими картонными солдатами.

Вы знаете, наместник временами так ужасно страдает от ревматизма, - продолжал он, - что не в состоянии пошевелить не одним членом. Ему нужна книга, предположим, поэзия Ламантина. Он вызывает казака, который приносит ему разноцветную доску. Каждую науку на ней я обозначил особым цветом.

-Так, теология находится в черном ящике, - догадался я.

-Совершенно верно - в черном; медицина - в красном и т.д. Поэзии я дал розово-красный цвет. Приносится розово-красный ящик, под буквой «Л» ищется Ламантин и определяется номер книги. Казак идет к розово-красному шкафчику, ищет нужный номер и желаемая книга приносится наместнику.

Улыбаясь, я одобрил систему ротмистра с разноцветными записями:

-Конечно, в Европе дело обстроит проще; только подумайте о том, что здесь, на Кавказе чтение и письмо среди простых людей - нечто редкое. Казак способен только распознавать записочки, цвета он умеет различать, и поиск книги, поэтому, происходит без малейшей трудности. И что самое главное, наместник не теряет терпения.

Я мог только похвалить систему ротмистра.

-Значит, вы не будете ругать мой каталог?

-Напротив, - возразил я, - заслуженно расхвалю его наилучшим образом.

-О, вы делаете меня бесконечно счастливым, рассчитывайте на любую службу с моей стороны.

Весь этот милый рассказ, в котором храбрый ротмистр умоляет ученого путешественника, как школьник учителя, нужен был только как грунт для картины, изображающей в общих чертах нашу библиотеку. Жаль только, что ученый не сумел назвать вещь своим именем и употребил слово Systeme там, где системы вовсе не было. Это дает место подозрению, что г. Бругш, при всей учености своей, не знает библиотечной номенклатуры, но кто же это заметит? Ведь г. Бругш, в рассказе своем, трактует не о серьезном предмете, а скромно передает подробности о том, как он облагодетельствовал храброго русского ротмистра Коррадини. Насмешки над Россией и русскими сделались общим местом у всех путешественников средней руки, так с какой же стати г. Бругшу

заглядываться на тех, которые пишут свои путешествия размышляя? В рассказе о ротмистре видна хвастливость, а то, что я сейчас приведу о нашей библиотеке, очень похоже на сказку, которой поверят только люди, стоящие не выше г.Бругша. Вот его финал к рассказу о ротмистре.

«Hatte ich die nach guten und schlechten Einbanden, so wie nach ihrem Inhalt, geordnete kaiserliche Bibliothek einer der ersten Hauptstädte Russlands ein Jahr früher gesehen, anstatt ebensoviel Zeit später, so hatte ich die Kühnheit gehabt bei S. D. dem Fürsten Statthalter den gehorsamsten Antrag zu stellen, den tapfern Rittmeister Corradini auf einige Zeit als Muster-Oberbibliothekar nach und die gelehrten Herren der gemeinten Bibliothek nach den Schlachtfeldern des Kaukasus zu senden.

«Die Bibliothek wurde gewonnen, der Kaukasus freilich verloren haben».¹⁾

Когда я прочел эти строки, то мне показалось: не подшутил ли кто-нибудь из наших библиотекарей над доверчивым немцем? Когда ему рассказали, как варварски расставлены у нас книги, то он непременно должен был удивиться и непременно должен был спросить: «как же вы, злосчастные, отыскиваете книги?» Очевидно, ему не пришло в голову сделать этого самого естественного вопроса, потому что если бы он его сделал, то ему показали бы каталоги такие, каких не только во всей Европе, но даже за Кавказом у Коррадини он не нашел бы. Я видел каталоги многих иностранных библиотек, видел систематическую расстановку и могу, положа руку на сердце, сказать, что хороших каталогов я не видал, и систематической расстановки, такой, какую я понимаю, также не видал.

Систематическую расстановку я так уважаю, что когда мне случилось приводить в порядок небольшую, тысяч в десять томов, библиотеку князя С. М. Воронцова, то я расставил ее в систематическом порядке. Но в таком громадном собрании, как библиотека Императорская Публичная, я эту расстановку признаю невозможной, при ее непрерывном и довольно сильном возрастании. Что же будет со временем, когда содержание ее удвоится, когда явятся библиотекари вдвое умнее и практичнее нас? Неужели они воскресят в ней систематическую расстановку, попорченную нами в то время, когда во всей Германии она процветала? Неестественного в подобной будущности ничего не предвидится, но возможного предвидится очень и очень мало.

Начав каталогизировать отделение искусств, я присматривался к приемам старейших, подвизавшихся в историческом отделении, но потом, когда историки написали последнее заглавие и Д. П. Бутурлина не стало, а у меня было сделано немного, я все снова переделал и переделал потому, что новый директор библиотеки, барон М. А. Корф, нашел почему-то более удобным позволить библиотекарям размышлять и судить о том, что они делают. Он, конечно, имел уже определенный план действия, но всякое свое намерение подвергал критике библиотекарей, и таким образом знакомился с ними.

¹⁾ Если бы я, увидел Кайзеровскую библиотеку, первую в русской столице, упорядоченную по содержанию, годом раньше, я имел бы смелость предложить управляющему наместника сделать храброго ротмистра Коррадини на некоторое время образцовым главным библиотекарем... и обученных господ этой библиотеки отправить на поля сражения Кавказа. Библиотека бы выиграла, а Кавказ проиграл бы.

Мы все тогда были начинающими учениками, потому что в прошлом, после тунеядства при А. Н. Оленине, мы проработали 8 лет в качестве писарей. О библиологии не было речи. Кто из работавших в «Историческом отделении» был одарен способностью размышлять и наблюдать, тот, не смотря на то, что размышления и наблюдения его не были вызываемы для пользы дела, все-таки наблюдал, все-таки размышлял, и если не сделался библиографом, то по крайней мере получил значительную подготовку, чтобы сделаться им впоследствии. Были, конечно, и такие, которых сама природа отличила косностью. Они, как куколки, оставались запутанными паутиной машинальной переписки в «Историческом отделении». Сквозь эту паутину они ничего не видели, кроме цифры, которую к субботе должна была представить недельная их работа. Они едва ли подвинулись сколько-нибудь в библиотечной работе, и, когда открылось поле для приложения мысли к делу, то они... но все они такие милые, что я останавливаю мое о них повествование.

В. Соболецков.

(Окончание в следующей книжке).

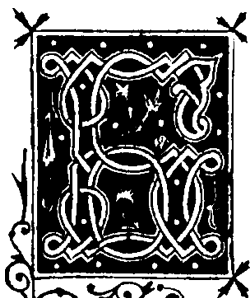

ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО БИБЛИОТЕКАРЯ.

Окончание. См. «Исторический Вестникъ», т. XXXVIII, стр. 70.

II.

Назначение директором Публичной Библиотеки барона М. А. Корфа. — Новый порядок в Библиотеке. — Помощник директора князь В. Ф. Одоевский. — Деятельность барона Корфа. — Основание отделения «Rossica». — Мои помощники по устройству этого отделения. — Библиотекарь Берхгольц. — В. В. Стасов. — Переделки в залах Библиотеки. — Пожар. — Ревизия кассы Библиотеки. — Посещение Библиотеки министром двора графом А. Ф. Адлербергом. — Аукционная продажа дублетов Библиотеки. — Новые постройки в Библиотеке. — Оставление бароном Корфом управления Библиотекой.

АРОН М. А. Корф повел нас за собой, или, выражаясь исторически, вступил в управление Библиотекой, в конце 1849 года, Оленина мы звали генералом, Бутурлина — директором, а барона стали звать просто бароном, и теперь, когда его уже нет впереди нас, мы говорим о «временах барона».

Барон застал Библиотеку в то время, когда в «Историческом отделении», по приведенным в азбучный порядок карточкам, соединялись разбросанные тома и выбирались дублеты. Лишние карточки, от соединенных частей многотомных изданий, составили очень увесистую кучу бумаги. Они принесли пользу одному только Д. П. Попову, старшему из старых библиотекарей: с разрешения барона он унес их домой и чистую их сторону употребил для своих лексикографических работ¹⁾; но польза, принесенная дублетами, была многосторонняя и велика: она отозвалась на всем составе Библиотеки. Выборку дублетов производили те же библиотекари, которые впоследствии старались затмить всех не библиотекарей своею библиотечной ученостью, но во время выборки дублетов, т. е. вслед за писарской восьмилетней практикой, они действовали по-дамски. Взгляд на книги был у них так мало выработан, что они предпочитали и оставляли в Библиотеке экземпляры, которые были принаряжены переплетом, а в дублетную часть ставили брошюрованные или плохо переплетенные книги, иногда очень редкие по гравюрам и разного рода дополнениям. В небрежности нельзя было никого упрекнуть: не было того знания, какое явилось впоследствии, а если его не было, то обвинять библиотекарей в ошибках при выборе дублетов было бы несправедливо. Мы стали учиться тогда, когда стали работать не по недельным урокам.

Самой лучшей школой была для нас продажа дублетов. Барон исходатайствовал Высочайшее соизволение на продажу ненужных Библиотеке дублетных экземпляров. Операция эта имела многосторонне полезное значение. Во-первых, она доставила Библиотеке больше 50,000 р. наличных денег, на которые было куплено множество новых книг; во-вторых, она дала возможность принять некоторые капитальные меры для обеспечения здания Библиотеки от внутреннего пожара и обновить некоторые ее залы, имевшие вид ветхости неприличной; в-третьих, она дала Библиотеке много свободного

¹⁾ Д. П. Попов был профессором греческого и латинского языка В. С.

места для новых приращений, и, наконец, что едва ли не важнее всего, она дала библиотекарям массу библиологических знаний. Беспрерывные сношения с покупателями-знатоками, живая беседа с ними, конкуренция страстных любителей, гонявшихся, по несколько человек вдруг, за одною и тою же книгою; разные уловки, к которым они прибегали, чтобы перебить друг у друга покупку; словоохотливость библиоманов, рассказывавших разные анекдоты библиотечного мира, расхваливавших сделанные ими приобретения, или просто старавшихся блеснуть своим знанием, все это нас забавляло, а с тем вместе и многому научило. Правда, что и наша самодеятельность была сильно оживлена, тем не менее, можно сказать положительно, что продажа дублетов была для нас как бы университетским курсом, после которого, как известно, учащиеся получают не более, как уменьше учиться без помощи учителя.

Нам было над чем учиться. Всякому из нас дана была отдельная часть для разработки, и тут уже нельзя было прикрываться цифрой сделанного: и количество, и качества, все было на виду. Барон никого не понуждал, никому не давал ни советов, ни наставлений, а только заглядывал в отделения всех библиотекарей, и с участием доброго товарища расспрашивал о ходе дела. Всюду он расточал похвалы и одобрения, а библиотекари, работая кто как мог, постоянно ждали его посещений и старались приготовить что-нибудь новое, чтобы показать ему. Все чувствовали себя очень хорошими деятелями на своих местах, хотя далеко не все были способны быть в действительности хорошими деятелями. Нельзя заставить неспособного сделать что-нибудь выше его сил, нельзя также вдруг набрать людей способных и приготовленных к библиотечной работе. Барон употреблял в дело те силы, какие нашел в наличности, и не мне судить, хорошо ли он их употреблял. Что касается до меня, то в библиотечной науке я ставлю себя не выше хранителя. Делателем ученым, библиографом, признавать себя я никак не могу, потому что ремеслом я архитектор, и довольно важные строительные операции, произведенные мною в здании Библиотеки, очень ясно говорят, на каком инструменте я играл в оркестре, исполнявшем под управлением барона, обширную симфонию, называемую: «развитие Императорской Публичной Библиотеки». Правда, что я немножко библиотекарь, но это случилось совершенно неожиданным мною манером. К этому специальному званию я не готовился, и, следовательно, присваивать его себе, мне не подобает.

В библиотекарство втянуло меня следующее обстоятельство. Барон предположил образовать в Библиотеке такое собрание книг на иностранных языках, в котором бы было соединено все, что имеет прямую связь с Россией, в каком бы то ни было отношении. Образование этого собрания он принял на себя, а каталогизацию и хранение книг возложил на меня. Думал ли барон, что я старый библиотекарь и знаток книжного дела, или он подметил во мне некоторую склонность к порядку, но только библиотекарем он меня сделал, и хотя я представлял ему в самом начале, что есть в Библиотеке люди поспособнее меня, хотя я и впоследствии пытался доказывать ему свою некомпетентность, но он не переставал выражать мне свое удовольствие за все, что я делал как библиотекарь. Как и что я делал, о том я скажу после.

Барон любил разделение труда, и взяв в руки Библиотеку, оставил за собой только то, что он действительно должен был делать, а именно: вести учреждение к цели его существования, т. е. обогатить Библиотеку новыми книгами и привлечь публику в место, для нее уготованное. Счетную часть, хранение кассы и прочие хозяйственные хлопоты он предоставил помощнику своему, князю Владимиру Федоровичу Одоевскому,

человеку с чистой душой, теплым сердцем и наклонностями чисто-поэтическими. Известно, что доку и дельца, в обширнейшем смысле этих слов, провести нелегко, но самого умнейшего и притом добродушного человека обмануть очень не трудно. Мне случалось не раз видеть, как заблуждался барон под влиянием низкопоклонства и смазливой преданности пройдох, но все эти заблуждения не имели никаких последствий. Смотря на них со стороны, жаль только было, что высокие нравственные начала профанировались пролазами. Кому из нас не случалось подавать милостыню таким людям, которые прямо от нас отправлялись в места разгула и веселья, а мы уносили приятное сознание, что сделали очень доброе дело. Такие ошибки и часты и бесследны, но с князем случилась ошибка не бесследная.

В Библиотеке был казначей, принимавший и расходовавший деньги, которыми заведовал князь. Однажды казначей принял из Главного Казначейства 2000 рублей и заболел именно в тот час, когда он должен был представить эти деньги князю, для вложения в сундук. Князь поверил болезни, а недели через две зашел ко мне в отделение поговорить. Поговорили и кончили тем, что я обещал принять на себя казначейские обязанности временно, пока настоящий казначей перестанет быть больным. Он, однако же, не перестал быть больным, а перестал совсем служить. Когда этот факт совершился, тогда мне сказали, что я уже не временный, а постоянный казначей. Кассу я принял не от предместника своего, а от князя, и заметил, что в черновом аттестате моего предшественника была зачеркнута целая строчка: «и исполнял обязанности свои как надлежит честному и благородному человеку».

Князь в делах денежных был доверчив так, как прилично действительно честному и благородному человеку, но после истории увольнения предместника моего, мне не удобно было терпеть доверчивость князя. Я выразил откровенно желание свое иметь на своих руках все деньги, не вкладывая большую их часть в сундук, украшенный печатью князя, но так как я чувствовал за собой некоторую слабость характера и был, может быть, способен поступить с казенными деньгами не надлежащим образом, то для предупреждения подобной несообразности, просил позволения вложить в сундук, заведываемый князем, мою собственную — в банковых билетах — сумму, равную казенному тахітум. Начальство попустило эту либеральность, и князь, ревизуя ежемесячно кассу, на основании правил счетоводства, пересматривал только шнуровые книги, не имея надобности справляться: все ли казенные деньги на лицо. А они, признаюсь, никогда не бывали все на лицо: некоторые недостаточные чиновники, и в особенности переплетчик, всегда атаковывали меня своими просьбами выдать им вперед, и эти выдачи переходили иногда за 2000 рублей. Все беззакония мои составляли, конечно, нашу семейную тайну, в которую, однако же, проникал иногда и князь, но смотрел на все сквозь пальцы. Впрочем, один раз в год, и именно при ревизии кассы 2-го января, наличный остаток всегда проверялся. Поверка эта заключалась в том, что расход, придя в совершенное равновесие с приходом, давал в остатке нуль, но и при этой единственной в году поверке, сундук мой не открывался: присутствие нуля в книге юридически доказывало, что в сундуке пусто. Может там и были деньги, но верить этому не следовало.

Состояние денежных сумм Библиотеки с точностью было известно барону каждый день, даже каждый час в течение года. Он желал иметь у себя под рукой такую штуку, в которой можно было бы вести счет всем мелким статьям прихода и расхода. Штуку эту я придумал в виде большого, складного, наклеенного на коленкор листа. На нем размещены были все источники доходов и все главные предметы расходов. Не могло быть такого

прихода, который поступал бы без ведома и формального предписания барона, не могло совершиться никакого расхода без его ведома и разрешения. Давая предписания и разрешения, он собственноручно заносил все мелкие суммы на свой складной лист и, к концу года, встречался точно с таким же нулем, какой находил и князь в шнуровых книгах.

Как подробно следил барон за движением денежных сумм, точно также следил он и за всем, что делалось в отделениях Библиотеки, и не было утра, чтобы курьер его не привозил в Библиотеку нескольких записок от него к библиотекарям, и не отвозил к нему ответов. У всех в Библиотеке дела было по горло, и между тем не было ни малейшего контроля в часах прихода и ухода библиотекарей. Они работали в Библиотеке, работали дома и совокупные труды их очень ярко высказались в общем развитии Библиотеки. Барон задавал работу всем, а мне в особенности, потому что я был хранителем любимого им собрания «Rossica», заведовал хозяйственной частью, и на мне же лежала строительная часть. Как библиотекарь, я работал головой в своих отделениях «Rossica», «Искусств» и «Технологии, а как заведующий хозяйственной частью и как архитектор, я работал везде, работал головой, руками и ногами. Все залы Библиотеки, без исключения, в бароново время получили из моих рук обнови. По всему зданию с чердаками, крышей и подвалами, я путешествовал неутомимо для исполнения своих обязанностей. Один немец произнес обо мне такое определение: «*der ist uberall und nirgend*». Вспоминая свою тогдашнюю подвижность, к которой теперь я чувствую себя не совсем уже способным, я удивляюсь: как успевал я делать все, что действительно делал. Я должен, однако же, сознаться, что исполняя распоряжения начальства, я не сделал ни одного шага, не написал ни одного слова напрасно, так последовательны были все распоряжения. Случалось, что в ночную пору меня тревожила мысль об истопниках. Я вскакивал с постели, зажигал фонарь и обходил подвалы и оба этажа всего здания. Теперь, когда Библиотека закована в железо, вся накрыта каменным черепом и прошнурована артериями, наполненными сжатою водой, готовой брызнуть вдруг из двадцати отверстий, раскинутых по всем залам, я уже не тревожусь как прежде, и преемники мои также не будут тревожиться¹⁾.

Барон нередко рассказывал мне, что по ночам он бывал также под влиянием самых страшных опасений за целостность полудеревянного здания Библиотеки. Я уверен, что если бы он жил не так далеко, то по ночам часто обходил бы доверенное ему хранилище мировых сокровищ. Князь не менее нас страшился за безопасность Библиотеки, но почему-то подвальное отопление тревожило его меньше, нежели употребление огня в зале канцелярии. Однажды он проезжал мимо Библиотеки в то именно время, когда читатели только что успели выйти, и утомленный дежурный расположился пить чай с аккомпанементом казенного самовара. Присутствие лампы князь нашел злом неизбежным: вся читальная зала освещалась под вечер лампами, но самовар ему показался опасным и притом вовсе ненужным. Он находил, и очень основательно, что его можно заменить чайником с кипятком. Замечание свое князь передал мне, но я не решился самовольно посягнуть на крошечное, и вместе с тем очень важное удобство дежурных, и доложил барону.

¹⁾ После громадного пожара, вблизи Библиотеки, Апраксина двора (1862), во всей Библиотеке сделаны железные ставни в окнах и внутренних дверях, и устроен бак на 1200 ведер из Невского водопровода, отсюда проведены повсюду трубы с пожарными кишками, и проч. В. С.

Он пожал плечами и, не решаясь дать положительного позволения, противоречащего замечанию князя, выразил только сожаление, что «князь зашел в Библиотеку в такое неудобное время», прибавив к этому, что «сам он постарается никогда не заходить в те часы, когда дежурный может себе позволить пить чай». Я буквально передал князю слова барона. Князь расхохотался, и самовар продолжает свою службу до сих пор.

По должности библиотекаря, мне выпала довольно хлопотливая доля. Я уже говорил, что барон задумал образовать в Библиотеке особую библиотеку иностранных книг о России. Мысль об этом собрании родилась в голове его чуть ли не тогда еще, когда он сидел на школьной скамье в лицее. Его интересовала всякая книга о России, и он, встречая такие книги, непременно списывал их заглавия. Когда подобного рода заглавия попадались ему в цитатах и объявлениях книгопродавцев, он старательно их записывал. Став директором Библиотеки, он достал из своих портфелей все эти заметки, передал их мне и поручил составить из них алфавитный каталог: заметки эти до сих пор хранятся у меня. Сверх того, он поручил мне выбрать из карточек «Исторического отделения» все заглавия, относящиеся к России, и передать их библиотекарю, заведовавшему «Историческим отделением», чтобы тот отыскал и передал мне книги. Для помещения библиотеки «Rossica» выбрана 13-я зала, названная впоследствии, по высочайшему повелению, «залом барона Корфа». В шкафах этой залы стояли книги исторического отделения, в которых, в залах 12-й и 14-й, было на полках очень много пустых мест после недавней выборки дублетов. Я начал очищать один шкаф 13-й залы для помещения «Rossica», которых по выбранным мною карточкам начали переносить ко мне целыми рядами.

Я попал в положение совершенно необыкновенное. Мне предстояло не продолжать начатое или переделывать уже сделанное, а создавать новую форму собрания книг, никогда не существовавшего, строить в чистом поле. Барон вверил мне образование новой библиотеки «Rossica.», и дал полную свободу заводить порядок такой, какой я признаю лучшим. Из «Исторического отделения» мне присылали чисто-исторические сочинения, путешествия, географию, книги трактующие о древностях, нумизматике и по другим вспомогательным историческим предметам. Все эти книги были уже с готовыми, написанными на листках заглавиями. Меня не забывали также библиотекари и других отделений: являлись книги содержания богословского, юридического, истории литературы, естественных наук, лингвистики и других. Я по натуре своей очень подвижен и работаю скоро, да и командир у меня был такой, что ничем его нельзя было бы огорчить больше, как медленностью и копотливостью. Сам он работал с быстротой изумительной, и между тем никогда не торопился. Я приведу неважный пример этой быстроты.

В 1854 году я подписывался на «Московские Ведомости» и в прибавлениях к №№ 117, 118 и 119 прочел любопытную статью П. И. Бартенева о воспитании Пушкина в лицее. Статья была полна самых интересных подробностей. Я как-то и спросил барона, читал ли он эту статью: Пушкин был его товарищем, и потому картина лицея, изображенная Бартеневым, должна была интересовать его. Барон не слышал о статье и попросил дать ему мой экземпляр. Дня через два, не больше, он возвратил мне мои номера газеты, и при них 12½ мелко исписанных листов, на которых, среди множества других занятий, он успел набросать такие «заметки старого лицеиста», которые и

объемом и интересом совсем затмили произведения П. И. Бартенева. Рукопись эту барон подарил мне, и как потом многие ухаживали за мной, чтобы прочесть заметки барона!

Очень естественно, что, работая быстро сам, барон предполагал и в других такую же способность работать.

Под натиском легионов книг, непрерывно прибывавших в собрание «Rossica», я решил, в видах сбережения места, ставить их по величинам и тотчас же нумеровать карандашом, означая те же номера на карточках, уже написанных в «Историческом отделении», а с книг других отделений я уже сам списывал карточки. Не считал я списанных мной карточек, но думаю, что если бы я так работал во времена Д. П. Бутурлина, то недельная цифра моя выходила бы уродливая. В начале мне никто не помогал и я заставлял жену свою писать. Она так привыкла к библиотечной работе, что, когда мне барон дал сотрудника в отделение «Rossica», она написала весь алфавитный каталог отделения искусств. Кончив этот каталог, она принялась за разбор огромной массы музыкальных нот, привела их в порядок по родам сочинений (оперы, симфонии, сонаты, и проч.) и написала к ним алфавитный каталог. Наконец, она начала списывать на отдельных карточках имена посетителей, внесенные в книгу, находящуюся в хранилище рукописей. Эту работу она не кончила, потому что сделалась больна. Близких знакомых моих я тоже приглашал писать карточки, так, *pour faire passer agreablement leur temps*. Один из такого рода сотрудников моих управляет теперь какою-то губернией на юге России.

Перенумерованные карточки я приводил в азбучный порядок и, таким образом, всякую полученную мной книгу мог отыскивать, не теряя ни секунды. Мне казалось, что прием установки и каталогизации, взятый мною впопыхах, мне придется изменять, и даже переделывать со временем, но практика показала, что лучшего приема и требовать нельзя. Убедившись в этом, я стал писать номера уже не карандашом, а чернилами, и так продолжаю до сих пор. Никогда не встречалось затруднений при отыскании книг, но за то сколько дружеских насмешек выслушал я от поклонников систематического порядка на полках, а г. Бругш *aus Berlin* советует даже послать меня на Кавказ. Слишком 15 лет прошло уже со времени основания собрания «Rossica», оно разрослось до 30,000 названий книг, стоящих на полках в величайшем беспорядке, относительно их содержания, и в самом экономическом порядке, относительно сбережения места, но за то в усовершенствованных каталогах моих господствует порядок, можно сказать, блестящий. Когда требователь называет книгу положительно и точно, ее не ищут, а идут взять с места, указанного алфавитным каталогом; если же требование предьявляется неопределенное, тогда обращаются к каталогу систематическому, который, отвечая на вопрос, высказывается до последнего слова: он не только отвечает на вопрос: есть ли в Библиотеке требуемая книга, но он показывает и все другое, относящееся к требуемому предмету. Сколько важных услуг оказал каталог этот таким ученым, как Соловьев, Костомаров; каким обильным потоком хлынул он на вопрос Академии Наук об изданиях грамматики Ломоносова, а мелких пособий и пояснений не перечтешь: он дает их почти ежедневно. Барон не имел ни времени, ни надобности анализировать механизм каталогизации в собрании «Rossica», но ни один ученый не требовал из этого собрания столько книг, как он. Требования его были всегда обширны, всегда поспешны, и всегда удовлетворялись быстро; следовательно, он имел полную возможность осязательно убедиться в достоинствах моих каталогов, и в одном из своих отчетов он сказал: «Собрание иноязычных сочинений о России приведено в образцовый порядок».

Приращения собрания «Rossica» сделались, наконец, так велики, что я не в состоянии был справиться с каталогизацией, не смотря на временную помощь, подаваемую мне моими домашними. Барон дал мне в сотрудники Фед. Ив. Попова, человека молодого и очень способного, но, к несчастью, в нем был уже зародыш смертельной болезни, которая довела его до того, что вместо помощи, он сделался мне помехой ¹⁾). Барон видел усердие и способности этого честного труженика и, после его смерти, исходатайствовал вдове его пенсию в половину всего содержания, какое Попов получал, не смотря на то, что службы его не насчитывалось и 10 лет. Ходатайствуя о такой необыкновенной милости, барон имел, вероятно, в виду, что молодая, бездетная вдова, получившая хорошее воспитание, не долго будет пользоваться пенсией. Так действительно и случилось.

После Попова мне дан был сотрудник, известный своими учеными трудами, но крайне бездарный. Важнейший ученый его труд представлен был им в Академию Наук для получения премии. Один академик сказал по этому случаю, что в Академию представлена ошибка в пяти томах. Во всех пяти томах не было, говорили, почти ни одной страницы без ошибок и неточностей. Работая в собрании «Rossica» этот ученый муж высказал всю свою неспособность к библиотечным работам, требующим внимания и точности. Он был заменен Е. Е. Берхгольцом, нынешним главным библиотекарем рижской городской библиотеки.

По своим глубоким познаниям и высоким нравственным качествам, это была личность замечательная. Под эгидою такого могучего товарища, я мог приняться за отделку порядка во всем том, что поступило в собрание «Rossica» с самого начала, предоставив ему заботу принимать и вносить в каталог все вновь поступающее.

Приращения поступали неравномерно. Иногда я мог работать исподволь, но иногда вдруг являлось столько дела, что, несмотря на способность мою работать очень скоро, я едва успевал всплывать наверх нахлынувшей волны. Одна из таких волн была необыкновенно велика, и налетела на меня совсем не вовремя. Библиотекарь ботанического сада, г. Берг, подарил нам библиотеку своего отца, жившего в остзейских губерниях и собравшего больше 8,000 книг. По происхождению своему из остзейского края, библиотека г. Берга заключала в себе преимущественно книги немецкие, с огромным количеством относившихся к России. Мне принесли вдруг несколько сотен книг. Это случилось в каникулярный июль месяц. Пора была жаркая, семья моя жила в Парголово, куда и я отлучался на короткое время. Сложилось так, что именно в одну из моих отлучек, книги библиотеки г. Берга принесли в мою залу и загромождили ими все выступы шкафов. В этот же день барон приехал из Петергофа и, увидев этот страшный легион новых книг, опечалился и оставил мне очень грустную записку, в которой выражал сожаление, что в собрании «Rossica» оказывается так много книг, не внесенных еще в каталог. Книги только что были принесены и сожалеть, по-настоящему, было бы рано, но таков уж был обычай у барона. Для облегчения меня, барон предлагал пригласить ко мне на помощь одного из молодых чиновников Библиотеки, г. Межова ²⁾ не принимая, конечно, в соображение того, что этого юношу, в июле месяце, не только пригласить работать, но только найти его, чтобы на него посмотреть, было почти невозможно.

¹⁾ Фед. Ив. Попов, ориенталист, воспитывавшийся в Петербургском университете, потерял рассудок и скоро потом умер. В. С.

²⁾ Впоследствии известный библиограф.

Я воротился из Парголова далеко за полночь, сделав в тот день прогулку в Токсово с большой компанией. Записку барона я нашел дома у себя на столе и, когда прочел ее, у меня мелькнула мысль отличиться. Было уже светло, но я не лег спать, а отправился в Библиотеку, провел испытующие взоры по рядам неприятельской армии, и тотчас же начал атаку тем, что взял к себе домой кучу маленьких книжонок и засел списывать заглавия. Покончив с первым отрядом, я уснул немного. С утра я забрался в Библиотеку, проработал там весь день, откладывая мелкие книжонок для ночной работы, вечером унес их домой, кончил их в течение ночи, а на другое утро, прописав до 2-го часа, запечатал толстый пакет с карточками и с запиской к барону, в которой выразился так: «Чсть имею представить вашему превосходительству изготовленные мною карточки. В настоящее время в заведываемом мною отделении нет ни одной книги, не внесенной в каталог». Совершив этот подвиг, я, разумеется, лег спать. Посланный в Петергоф, возвращался обыкновенно поздно вечером. На этот раз он привез мне от барона записку, начинающуюся так: «Деятельность ваша изумила меня...». Далее барон давал мне поручение отправиться немедленно в Парголово, и всю записку наполнил такими выражениями ласки и любезности, какие ему только свойственны. Я всегда спешил исполнять поручения начальства; и на этот раз, хотя было уже поздно, я ослушаться не посмел, тем более, что предписание было письменное и приказал закладывать лошадей неукоснительно.

Прежде всего, как я уже говорил, сделан был в собрании «Rossica» каталог алфавитный, из больших, первоначально написанных карточек, но когда явился г. Берхгольц, и численность собрания перешла уже за 10,000 заглавий, я переписал их с карточек больших на другие, в 16-ю долю листа, положил эти карточки в том порядке, как книги стояли (и стоят) на полках и списал в тетради одни только главные слова, употребленные для алфавитного порядка, с прибавлением места печати и года. Таким образом, получился инвентарь собрания или местный список. Из карточек малого формата я сделал алфавитный каталог, а большие — предпринял разложить в систематическом порядке. Машинального переписывания было много, но работу, требующую большой точности, доверить было некому. Покамест я занимался этим делом, численность заглавий возросла до 15,000. Систематический каталог я делал дома, раскладывая карточки по отделам, намеченным мною а priori. Никаким образцам я следовать не мог, да и образцов, для подобного каталога, искать было негде, потому что нигде никогда не существовало и, я думаю, не будет существовать такого богатого собрания книг, имеющего предметом не науку, а страну. Первая переборка карточек была сделана для того только, чтобы разбить большую массу на части мелкие, более доступные для отдельной обработки. Я разбил ее на 102 части и при этом списывал с множества карточек сокращенные копии, когда видел, что книга, по разнообразному содержанию своему, должна была находиться в двух или трех частях каталога. Дальнейшие подразделения образованных мною частей требовали труда усидчивого и продолжительного. При множестве других занятий я не мог принять на себя подобного труда, да, сверх того, я не был уверен, что запас моих знаний будет достаточен для того, чтобы дать систематическому каталогу должное научное значение. Я видел, одним словом, что это не дело архитектора.

Библиотеку нашу очень часто, почти ежедневно, посещал (в 1855г.) один гость, В. В. Стасов, получивший позволение работать в отделениях. Господин этот обладает неустрашимостью в работе и притом одарен таким необыкновенным свойством, что чем

работа труднее, тем охотнее он за нее берется. Когда я указал ему на потребность в систематическом каталоге, на его значение для Библиотеки и на пользу, которую мог бы принести этому учреждению тот, кто посвятил бы себя его окончанию, тогда г. Стасов, восхищенный трудностью и размерами предстоявшей работы, горячо принялся за дело. Страстный охотник до книжного дела, он приходил в Библиотеку проводить в ней все свое свободное время, а тогда он находился в таких обстоятельствах, что свободного времени у него было много. В несколько месяцев он совершил гигантскую работу. Мои 102 подразделения у него разрослись до 1000. Кроме подробности, удовлетворяющей всевозможным требованиям, система, придуманная г. Стасовым, оказалась такой своеобразной, что ни в каких печатных библиологических изданиях подобной встретить нельзя¹⁾.

При этой важной работе возник вопрос, или, лучше сказать, спор между бароном и работавшими в собрании «Rossica»: Берхгольцем, Стасовым и мной. Барон имел полное право действовать по своему усмотрению, и просто приказывать, но он предпочитал позволять своим подчиненным думать, и даже высказывать то, что они думали. Ну вот, барон и мы думали различно. Он говорил, что романы и повести на исторические сюжеты должны быть разделены в историко-хронологическом порядке и отнесены к «истории», в соответствующие царствования, а мы доказывали, что роман есть фантазия на историческую тему, не имеющая научного значения, и потому, для книг такого рода не должно быть иного места, как обширный отдел «беллетристики». Впрочем, разницы большой не было бы, если бы исторические романы составили особые группы в отделах царствований, но нужно же было решить: куда отнести группы исторических романов, и барон, признавая за нами способность думать, не хотел произнести своей воли, а нашел лучшим отдать предмет нашего спора на суд общего собрания всех библиотекарей. Сказали всем заблаговременно о предмете общего собрания, дали всем надумать и, наконец, собрались. В Ларинской зале, у овального стола, заняли места более 20 мужей совета и науки.

Многие сосредоточились и построили такие глубокомысленные физиономии, что, казалось, они готовились решить вопрос, имеющий мировое значение.

Заняв свое место, барон изложил предмет нашего спора со всеми подробностями и, во избежание прений, всегда поглощающих время, которым все мы дорожили, он вот что сделал: написал на листе бумаги вопрос: Куда отнести исторические романы?, согнул страницу пополам и на одной половине написал: к истории, а на другой: к беллетристике. Лист этот он послал вокруг стола, пригласив всех подписаться на той половине, которая кому покажется справедливее. Когда лист, обойдя стол, воротился, и на половине истории оказалась одна только подпись, тогда барон сделал на нем внизу заметку, в которой сказал, что спор этот происходил между ним и сотрудниками библиотеки «Rossica», и что он, барон, остался побежденным. Лист этот он передал для хранения при делах библиотеки. Цел ли этот лист — я не знаю.

Механизм каталогов, принятый мной в собрании «Rossica», оказался таким удобным для всех, кто им пользовался, и сам барон, требовавший книг больше всех, так часто убеждался в достоинствах каталогов, что при посещениях Библиотеки лицами сколько-нибудь замечательными, каталоги мои были показываемы как диковинка.

¹⁾ Эта система расположения всего отделения «Rossica», вмещающего, можно сказать, большинство наук, отдана была на обсуждение Академии Наук, которая признала ее вполне правильной, почему она и была введена в этом отделении.

Показывания эти происходили обыкновенно в присутствии барона, который очень любил принимать таких гостей, которые способны были оценивать все улучшения, введенные в Библиотеке. Когда барон приводил в 13-ю залу гостей, то экзамен каталогов совершался в следующем порядке. Прежде спрашивали какую-нибудь книгу с заглавием известным, и она тотчас являлась, потом спрашивали какое-нибудь из мельчайших подразделений систематического каталога и там выбирали заглавие: книга опять являлась через несколько секунд. Наконец, доставали откуда-нибудь из шкафа картон с мелкими брошюрами и, отделив из них одну такую, на которой не было никакой наружной надписи, спрашивали ее заглавие. Заметив на обертке номер, я справлялся в инвентарном каталоге и, по главному слову, там записанному, отыскивал в алфавитном каталоге заглавие. Вся эта механика, очень простая сама по себе, изумляла посетителей как штуки фокусника, и я от многих слышал сожаления, что такой превосходный способ каталогизации остается неизвестным публике. Сожаления эти, повторяемые очень часто, заставили меня опубликовать мою выдумку. В № 11 «Журнала Министерства Народного Просвещения» за 1858 год, я поместил подробное изложение употребляемого мною механизма каталогизации. Из редакции мне дали 200 отдельных оттисков, которыми с тех пор я снабжаю библиотекарей разных русских библиотек, как Петербурга, так и других городов. Многие из них относятся ко мне как к учителю своему, и не смешно ли покажется всем Бругшам, что архитектор по ремеслу служит наставником начинающим библиотекарям? Между тем это очень просто. Библиотекарем я никогда себя не считал, а как хранитель, я гожусь на то, чтобы научить начинающего библиотекаря, как приняться за дело; гожусь, наконец, на то, чтобы описать и хранить в отличном порядке всякое собрание книг. Ученые спрашивают материалов для своих работ, и я могу давать их без задержки. Вот вся моя заслуга.

В том же 1858 году опубликован был в «*Moniteur universel*» декрет императора французов о преобразовании Парижской библиотеки. Это подало мне мысль сообщить туда мою брошюру, но преобразования Парижской библиотеки состояли в проекте перестройки здания, которое и теперь еще не кончено. Мое предложение, как ненужное в то время, было положено в сторону, но я напечатал его отдельной брошюрой под заглавием: «*Principes pour l'organisation et la conservation des grandes bibliothèques*». В нынешнем (1867) году я был в Париже на всемирной выставке, заходил, конечно, и в *Bibliothèque Imperiale*, и застал тамошних библиотекарей в совещаниях по предмету переноски книг в оконченную часть здания. Брошюра моя была на сцене, но будет ли принята моя мысль, то мы узнаем впоследствии.

В 1851 году барон предпринял произвести некоторые строительные работы в старой части здания, желая сделать ее такой же опрятной, как и новая часть, а, главное, уничтожить в ней печи, стоявшие в залах и устроить отопление из подвалов. В то лето барон уезжал за границу и желал увезти с собой печатный каталог всем наличным книгам собрания «*Rossica*», с тем, чтобы, покупая там недостающие у нас книги, не покупать дублетов. Я был разорван на части: каталогизация книг самая поспешная, для того, чтобы все карточки наличных книг можно было отдать в типографию; наблюдение за печатанием каталога; корректуры; переноска всех книг из тех зал, где предпринимались работы; распоряжения по работам уже начавшимся; приготовление для них рисунков, — все это делалось в одно время. В подобных хлопотливых обстоятельствах

редко бывает без эпизодов, то грустных, то забавных. Я расскажу об одном, который был ни грустный, ни забавный, но я его запомнил.

Предпринимая довольно большие работы в четырех залах бельэтажа, я должен был вынести из них все книги. На всем просторе Ларинской залы я построил сплошной ряд временных полок и туда перенес книги. Приезжает однажды в Библиотеку барон и уводит меня в залу рукописей, где, между прочим, предполагалось выломать часть стены и сделать арку, существующую и теперь. Когда мы остались вдвоем, барон спросил меня: «уверен ли я, что книги, перенесенные в Ларинскую залу, не проломают свода?» — «Уверен, что проломают, — ответил я, — но в таком только случае, если найдется такой силач, который возьмет все перенесенные книги, приподнимет их, вместе с временными полками, на значительную высоту и вдруг оттуда бросит на пол. Это, очевидно, невозможно, и не так интересно, как вот эта, стоящая перед нами стена, которую вы приказываете выломать, чтобы сделать широкую арку. Вам известно, что стоит вверху на этой стене?» — «Нет». — «Такая же каменная стена». — «Как же вы решаются выламывать основание из-под верхней стены?» — «Употребляя те меры, какие предписывает строительное искусство». Барон рассмеялся, махнул обеими руками и сказал: — «Делайте как знаете, а я уеду от вас, чтобы не видеть этих ужасов». Видно было, что опасения не слишком его тревожили.

На другой или на третий день после отъезда барона, меня разбудили часа в три ночи и сказали, что на дворе Библиотеки пожар. Я вышел, не торопясь как на пожар, и стараясь сохранить спокойствие духа. На заднем дворе, у самого здания Библиотеки, загорелась стена театрального сарая, в котором хранились декорации. Старики-солдаты ломали деревянный забор, чтобы открыть свободный доступ на соседний двор, принадлежавший театру и суетились так, что мешали друг другу. Крик и суматоха были, как следует быть на пожаре. Я прежде всего велел не кричать без толку и не метаться, а делать дело порядком. Забор разобрали вдруг. Баб и слабых стариков я заставил таскать воду из колодца, находившегося на другом конце двора, а кто посильнее, тех поставил качать пожарные трубы, принесенные из Библиотеки. Трубы, к удивлению моему, были в исправности: обыкновенно случается, что именно в минуту бедствия они как нарочно оказываются негодными. Явился квартальный, подроспели театральные служители. Квартальный завладел брандспойтом и действовал так усердно, что на наружной стороне сарая огонь был остановлен. В сарай проникнуть боялись, чтобы не дать свободного течения воздуху сквозь ворота; но прискакал обер-полицеймейстер Галахов с пожарной командой, раскрыли сарай и нашли, что огонь туда не проник. Пожарные, однако же, поломали немножко сарай: без этого уж нельзя.

Когда возвратился из путешествия барон и, при нем уже, работы мои были кончены. Он распорядился отпраздновать громко возобновление старой части здания. В овальной зале бельэтажа совершено было придворным духовенством, и с придворными певчими, торжественное богослужение, при котором присутствовали важнейшие государственные сановники. Больше двухсот гостей съехалось на это невиданное в Библиотеке торжество. После богослужения их угостили в 7-й зале великолепным завтраком, сервированным от двора. Не торжественное богослужение и не роскошный завтрак важны были для Библиотеки, а то, что ее увидели многие такие лица, которые, без этого особенного случая, никогда бы может быть не посетили ее, и которые, побывав в ней и увидев блестящие зачатки того, что барон предпринимал делать, не мало способствовали ему и в сферах правительственных и в обществе, где Библиотека наша была долго предметом

разговоров. В газетах зачастую появлялись статьи, поддерживавшие в публике интерес к Библиотеке. Но для развития ее нужны были и материальные средства. Продажей дублетов барон извлекал их из самой Библиотеки, а личными сношениями с сильными и богатыми мира сего он привлекал их извне. Повторяю, Библиотека в то время интересовала все слои петербургского общества, и, само собою разумеется, что все слои интересовали и барона. Любопытно было видеть, как барон действовал на публику посредством читальной залы, этого, постоянно распростертого для приема ее, объятия. Кроме разговоров и совещаний с учеными и литераторами, приходившими к нам работать, он искал ободрить и заохотить простоллюдинов, с которыми он также часто пускался в разговоры. От всех он старался узнать: нельзя ли сделать чего-нибудь еще, чем бы можно было угодить барыне-публике?

Трудно определить словами, что чувствовал барон к Библиотеке, но только по поступкам его можно положительно сказать, что ни в делах, ни в помышлениях своих он не расставался с ней ни на минуту. Очень часто случалось, что он приезжал в Библиотеку в зимние вечера, и ходил по залам при свете ламп, которые несли перед ним сторожа. В таких вечерних прогулках его часто принимали участие друзья и знакомые его.

Однажды зимою министр императорского двора приказал сделать, в присутствии своем, внезапную ревизию кассы Библиотеки. Такие ревизии производились в ту эпоху в разных учреждениях, по случаю крупного воровства, обнаруженного в кассе Комитета инвалидов. Во время ревизии в Библиотеке, барон терпеливо ожидал конца этой операции, не интересной для него и очень интересной для князя. На счет кассы барон не беспокоился, а ему хотелось показать министру Библиотеку, но граф Адлерберг приехал поздно и, когда ревизия кончилась, начало уже смеркаться. Упустить случай барону не хотелось: зажгли лампы и пошли. Граф не видал еще залы, устроенной для хранения инкунабул («средневековая зала»). Строгий и мрачный стиль довольно удачно выразился во всех подробностях убранства и мебелировки этой залы. Днем она смотрит как будто насупись и, вместе с тем, улыбаясь колоритными пятнами живописи на своде и на цветных стеклах окон, а вечером, при огне, она еще поэтичнее и даже фантастичнее. Вечерний эффект поразил министра, и первые слова его были: «Ого, какая роскошь! Это, я думаю, обошлось вам не дешево». Не знаю как для барона, но для меня эти слова были совершенно неожиданны. Вместо ответа, барон сделал министру вопрос: «А как вы полагаете, граф, сколько мы истратили на эту залу?» Подумав немного и оглянув еще раз залу, министр сказал: «Тысяч двадцать, я думаю». Барон повернулся ко мне с вопросом: «Сколько мы издержали?» Я ответил без запинки: «2200 рублей на эту залу и на небольшую комнату рядом, отделанные вместе». — «Vous badinez! — сказал министр. — «Наши денежные отчеты представляются вашему сиятельству. Прикажете канцелярии вашей навести справку», — заключил я.

Припоминая вечернее освещение в залах Библиотеки, я не могу не сказать нескольких слов о знаменитых аукционных продажах замечательных дублетов. Для удобств публики, продажа производилась вечером, и по этой причине освещались такие залы, в которых обыкновенно света по вечерам не бывает. Любопытно было смотреть на состязание знатоков и ярких любителей редких книг. Сколько денег доставили Библиотеке волновавшие их страсти! Являлись иногда на аукцион не сами любители, а их поверенные, с поручением купить вот такую-то книгу, во что бы то ни стало. Случилось однажды, что два таких поверенных, оба от богатых принципалов, встретились на одной книге, очень заманчивой по заглавию, и действительно редкой, но в

Библиотеке, по особенному обстоятельству, было несколько экземпляров этой книги, и мы, до аукциона, продали два или три экземпляра по 10 рублей — цена очень хорошая. Объявленное на аукционе заглавие взманило вдруг нескольких соискателей, и цена начала расти, но скоро умеренные отступились, и торг продолжался между двумя полномочными посланниками. Цена давно переросла всякий человеческий смысл, а полномочные не унимались, имея в виду купить во что бы то ни стало. Как бы то ни было, но граница благоразумия существует всюду, и один из делегатов, дойдя до нее, остановился — книга пошла за 101 рубль.

В один из таких аукционов, в последний из назначенных дней, оставалось много еще нераспроданных номеров, а было уже поздно. Я заметил, что торговавшиеся начинали уходить и возымел счастливую мысль: обещать им чаю. Барон одобрил мою мысль, слух пронесся по рядам уставших конкурентов, и торг оживился в ожидании чая, который не замедлил явиться. Таким образом все номера были проданы.

Аукционная продажа дублетов интересовала вначале очень многих богачей. Они приезжали в Библиотеку провести приятно вечер, но потом интерес стал ослабевать, так, что на последнем аукционе на многие книги не было не только конкурентов, но даже и простых покупателей. Одним словом, источник был исчерпан.

Улучшение и умножение Библиотеки сделалось эпидемией у всех, кто в то время служил в этом учреждении. Я, конечно, был также заражен, и иногда у меня являлись кое-какие мыслишки. В 1852 году, например, у меня родилась мысль построить на дворе галерею, которая закрыла бы собою скучную, глухую стену Балабинского дома и соединила оконечность старого здания с парадной лестницей здания нового. Я как-то рассказал об этом барону. Фантазия моя рассмешила его, но он потребовал рисунков. Я сделал рисунки и общее соображение издержек, выдвинувшее цифру в 125,000 руб. В то время от барона до государя путь был очень короткий, через министра императорского двора. Государь видел мои рисунки, похвалил мысль, но велел подождать более благоприятных обстоятельств. Посетив в том же году Библиотеку, государь вспомнил о моем проекте, посмотрел на Балабинскую стену и повторил, что нужно подождать. Между тем публики в читальной зале все прибывало и прибывало. Спустя лет 5 или 6, мы должны уже были ставить в читальной зале столы на самом проходе, чтобы где-нибудь приютить гостей. Наконец, нашествие читателей сделалось так велико, что в отведенной им зале они сидели чуть не один на другом, как сельди в бочке. Прибавили столов в соседней приемной зале. Видя, что наши ресурсы истощаются, что нас, как говорится, припирают к стене, барон сказал мне однажды: «Давайте мне теперь проект уже не галереи, а большой залы, где бы можно было посадить вдруг 200—250 читателей». Я не заставил долго ждать и переписка началась. Последние торги на винные откупа прибавили к государственным доходам длинный ряд миллионов. Барон воспользовался этим обстоятельством и усилил свои домогательства. Дело приняло благоприятный оборот, и нам ассигновали 150,000 руб.

Местность определила размеры проекта, который удался, и оставалось бы только исполнить, но мне думалось, что французы, немцы и англичане больше моего ломали голову над публичными библиотеками, и наверное изобрели множество хороших вещей, оставшихся неопубликованными. Хорошо бы посмотреть на иностранные улучшения, думал я, и сказал об этом барону. Он нашел, что я думаю дельно, и исходатайствовал мне командировку в Европу. Слишком два месяца странствовал я по столицам разных государств и видел очень много. О том, как я путешествовал и что видел, я уже рассказал

печатно («Журн. министр. народн. просв.», №№ 10 и 11, 1859 г.) и здесь повторять не стану. Не только строение и меблировка читальной залы, но и книжная ее обстановка много выиграла оттого, что я был за границей.

При пособии Строительной Конторы министерства императорского двора я вел строение свое благополучно: покрыл его, сделал своды довольно дерзко, но удачно ¹⁾, построил печи, вставил окна и приступил к внутренней отделке. В то время, когда наружные леса не были еще отняты, многие находили, что зала, размерами, очень представительна, только, к сожалению, не довольно светла; но к концу 1861 г. леса отняли, свет, хлынул в залу сквозь пять громадных окон, и все увидели, что она светлее всех прочих зал Библиотеки.

В самый разгар работ по внутренней отделке, пронесся слух, что барону дают высшее назначение и он оставляет Библиотеку ²⁾. Все встрепелось. Потеря хорошего настоящего, в виду неизвестного будущего, всегда производит тревогу. Не только библиотекари и прочий люд, работавший в Библиотеке под управлением барона, но и все постоянные посетители читальной залы собирались и толковали о том, нельзя ли как-нибудь удержать его. Когда он приехал в Библиотеку в первый раз после того, как слух получил достоверность, мы, библиотечные, приняли его, как всегда, хотя физиономии наши были совсем не праздничные. Он обошел все отделения, поговорил со всеми, как всегда бывало, и когда в обычный час стал уходить, мы все собрались внизу, не для торжественного прощания, а так: нас всех тянуло проводить барона. Из читальной залы двинулась густая толпа, слившаяся из всего, что там было постороннего, и приступила к барону с просьбой: не оставлять Библиотеку. Бедные! Они просили невозможного, и думали, что вот, как они попросят, то барон скажет им: «Ах, очень рад, очень рад», поставит на место шляпу и начнет опять быть директором. Все знали качества лица, назначенного в преемники барону, все были убеждены, что не Д. П. Бутурлин станет на его место, но ведь не даром говорится пословица: «от добра добра не ищут». Как ни хорошо будущее, но с хорошим настоящим расставаться, нельзя сказать, чтобы было приятно.

Я пишу воспоминания, и мне следовало бы теперь сказать, что случилось со мною, но об этом речь впереди.

Теперь же я останавливаю мой рассказ на том, как барон покинул Библиотеку, а для заключения скажу, что случилось со мною. В период службы моей при бароне на меня возложили чины и ордена, которых у меня прежде не было. В начале моей службы, когда я был еще, по мнению канцелярских чиновников, «франтом», мне случилось высказать мой взгляд на чины и ордена. Да, ордена мои все могут видеть, но не все могут знать, за какие подвиги я их получил. Лучший знак моего отличия, знак, который выставлен на показ, не только современникам, но и потомству, это — построенная мною читальная зала. О ней говорили, теперь иногда говорят, и со временем непременно будут говорить люди, не знающие меня и не знаемые мною. Все это не мне, а имени моему: их суд над моим произведением, произнесенный за глаза, не потревожит моего внимания;

¹⁾ В некоторых больших залах Библиотеки, своды сделаны такими плоскими, что большинство лучших наших техников архитекторов, официально свидетельствовавших новую постройку, особенно профессор А. П. Брюллов, были поражены «дерзостью» этих сводов. В. С.

²⁾ Барон М. А. Корф был в это время назначен главноуправляющим II-го отделения Собственной Его Величества Канцелярии. В. С.

собственно же для меня остались заветные памятники прошлого: ряд Отчетов Императорской Публичной Библиотеки за время управления барона.

Начиная с первого Отчета, барон имел обычай присылать лично мне один экземпляр с собственноручною его надписью. На первом Отчете была коротенькая надпись: «Одному из усерднейших и полезнейших моих сотрудников, от автора. 28 янв. 1851». На следующих Отчетах текст надписей делался все пространнее и пространнее, а вместе с тем теплее и задушевнее. Наконец, в эпоху оставления Библиотеки барон написал ко мне такое письмо, какие никто не пишет из простой вежливости. Мне очень хотелось бы привести здесь его текст, но не достаёт отваги.

Василий Иванович Соболецков.

